

УДК 340.12(470)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И МОРАЛИ В ВОЗЗРЕНИЯХ П.И. НОВГОРОДЦЕВА

Л.А. Никонов*, Н.Н. Зименкова**

* ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет»,
г. Тверь

** ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический
университет» (Тверской филиал), г. Тверь

Рассматривается кантовская идея взаимосвязи права и морали и ее рецепция в философско-правовых воззрениях П.И. Новгородцева – видного представителя либеральной философии России. Раскрывается его мысль о том, что идея справедливости может быть осуществлена только в условиях представительной демократии на базе реализации принципа управления «всех для всех».

Ключевые слова: государство, общество, личность, свобода, правовое сознание, справедливость.

В современном информационном обществе человек как социальный субъект обладает уникальной возможностью формировать свою мировоззренческую позицию с помощью новостных средств коммуникации, через освоение массива нормативно-правовых актов, выложенных в сети Интернет для обсуждения в режиме реального времени. Но нельзя забывать, что совершенствование правосознания и способности судить о правильности действий государственных органов власти, ведомственных организаций, профессиональных сообществ или даже отдельных людей в их повседневной жизни, – все это будет неполноценным без обращения к исторической традиции, без изучения философского наследия прошлого, сориентированного на нравственно-правовые представления личности и общества. Во многом именно этим объясняется устойчивый интерес к вопросу о взаимосвязи права и морали у исследователей самых разных направлений [см.: 2; 3; 7; 8; 12].

В своём стремлении решать национальные задачи, связанные с построением справедливого государственного устройства, русские мыслители второй половины XIX – начала XX в. не могли не обратиться к этико-правовому наследию И. Канта. Активное пробуждение интереса к сочинениям немецкого мыслителя объяснялось ростом уровня философско-теоретической рефлексии, желанием критически сопоставить собственные установки и идеи с наследием представителей классической философии [9].

«Учиться» у Запада – этот призыв, звучавший не раз в сочинениях русских мыслителей, как правило, усиливался в период ожидания великих перемен или во время последующего их осмысления. Хорошо

известно, как К.Д. Кавелин не раз повторял его накануне осуществления либеральных реформ, в частности, в ходе подготовки отмены крепостного права. Новый смысл в этот призыв вложил психолог и философ Н.Я. Грот в эпоху так называемых «контрреформ», когда император Александр III существенно ограничил возможности поля действия либеральных преобразований, начатых ещё его отцом Александром II. Отмечая важность отмены крепостного права в России и связанные с этим очевидные цивилизационные успехи, Грот почувствовал, что назрела задача поиска нравственных ориентиров в деле преобразования социальной и правовой сферы жизни всей страны и каждого отдельного человека [1, с. XIX]. Тем самым, призыв «учиться у Запада» трансформировался у него в потребность «учиться у Канта».

Вопрос о взаимосвязи права и морали в сочинениях И. Канта напрямую сопряжен с требованиями категорического императива. Государство, по Канту, априори находится в состоянии должествования охраны *права* и соблюдения *справедливости*. Право Кант понимает в узком и широком смысле этого термина. В узком смысле право связано с регуляцией принуждения, в широком смысле оно должно отражать требования общечеловеческой справедливости. В практической жизни, признается Кант, право может допускать насильственное действие, но только в целях самосохранения. В широкой трактовке – право как осуществление справедливости – принуждение исключается уже по определению. Пытаясь преодолеть явное противоречие, Кант рассматривает «право справедливости» двояко: объективно (в его терминологии, это – «божественная справедливость», «судьба», «неотвратимая необходимость») и субъективно. Получается, что основанием справедливости права для отдельного человека, предъявляющего требование другому, является, с одной стороны, апелляция к его «этическому долгу», с другой – опора на *свое* личное право, следование «моральному закону внутри меня». Под таковым «голосом совести» Кант понимает внутренние нравственные императивы человека, срабатывающие только в социальном и культурном контексте [5, с. 143–144; 434–436]. Благодаря этому они могут регулироваться на основании гражданского права.

Человек, согласно Канту, обязан поступать «сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласия цели природы» [4, с. 274]. Однако как социальный субъект человек ограничен в своих возможностях, он не может объективно судить о поступках другого. В силу антагонистичности своей природы человек может оказаться в плену желаний удовлетворить личные притязания вопреки общечеловеческой справедливости. Отсюда и вытекает необходимость наличия высшей инстанции – «божественной справедливости в суждении нашего собственного разума». Таким образом, в философии Канта в основу взаимосвязи права и морали заложена нравственность

как самозаконодательный принцип, как этика доброй воли каждого разумного существа.

Кантовская этика доброй воли распространяется и на вопрос о принятии справедливых законов. Законодатели не должны принимать решения, вступающие в противоречие с общей волей народа, рассуждает мыслитель [6, с. 96]. Эта либеральная идея является лейтмотивом учения Канта о государстве, праве и обществе. Неотъемлемым правом граждан является право на участие в создании справедливого закона, а именно – право открыто выражать свое мнение о том, какое из распоряжений государя кажется ему несправедливыми по отношению к обществу. На этом основании свобода печатного слова рассматривается Кантом как «единственный палладиум прав народа» [6, с. 92].

П.И. Новгородцев творчески воспринял созданную Кантом теоретическую конструкцию этики доброй воли. Он изучал право на юридическом факультете Московского университета, затем в Берлине, где и сформировались его мировоззренческие приоритеты. Первым результатом восхождения его исследовательской мысли по ступеням понимания сущности права стала докторская диссертация о философско-правовых учениях Канта и Гегеля [12].

Будучи критично настроенным в оценке современного ему состояния общественно-правовой мысли в России, он прямо говорит, что «мы живем в ненормальном обществе», где в правовом самосознании и в практической жизни далеко не реализована идея справедливости [11, с. 252]. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, русский правовед и обращается к творческому наследию Канта. В частности, кантовскую этику личной автономии, индивидуальной свободы и ответственности Новгородцев считает возможным рассматривать сквозь призму социальных трансформаций современного ему российского государства и общества.

Философско-правовая концепция П.И. Новгородцева пронизана стремлением преодолеть кризис современного правосознания путем критической оценки юридического позитивизма, через актуализацию потенциала концепции естественного права. Он полемизирует с представителями юридического позитивизма, с их признанием «морали долга», фиксирующей запреты в текстовом массиве законодательных актов. По духу ему ближе «мораль стремления», сориентированная на высший идеал, пусть недостижимый, но к которому следует стремиться. Поэтому он высоко оценивает кантовский нравственный императив права, его обоснованное противопоставление идеала и действительности [12, с. 200]. Новгородцев считает, что принятые государственной или представительной властью законы и решения должны быть четкими, ясными и справедливыми в правовом отношении. Только тогда их будут признавать и исполнять все нравственно сориентированные члены социокультурного сообщества.

Новгородцев движется в русле воззрений Канта в вопросе о разделении властей в качестве основного принципа государственной организации общества, гарантирующего общественную справедливость и свободу граждан. Русский мыслитель солидаризируется с кантовской трактовкой государства как «объединения множества людей, подчиненных правовым законам» [5, с. 231, 233]. Поскольку эти законы носят априорный характер, т.е. они сами собой вытекают из понятий внешнего права, то форма государства также является априорной. Государство есть «государство в идее», каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права. И эта идея служит «путеводной нитью (погма) для любого действительного объединения в общность [5, с. 234]. В каждом государстве существуют три власти: «верховная» (суверенитет) в лице законодателя, «исполнительная» в лице правителя и «судебная» в лице судьи. Кант ассоциирует эти власти с тремя суждениями в практическом силлогизме: первая посылка содержит в себе «закон» объединенной воли; вторая посылка олицетворяет «веление» поступать согласно закону и далее следует вывод – «судебное решение» (приговор), относительно того, что в данном случае соответствует праву [10, с. 80–117].

Солидаризируясь с Кантом в том, что справедливость есть право, не представляющее никаких полномочий «принуждать другого», Новгородцев замечает некую внутреннюю недосказанность этого тезиса. Когда у Канта говорится о необходимости общего признания торжества справедливости, то имеется в виду признание *всех*, а не *большинства*. В этой связи Новгородцев критически оценивает принцип «соединенной воли народа», согласно которому *каждый* распоряжается сам собою, а, следовательно, не может быть несправедливым по отношению к самому себе. В связи с этим в учении Канта о справедливости он видит противоречие. Начало справедливости не может определяться количественными признаками, приближение к нему может носить только качественный характер. Принцип большинства есть вместе с тем и принцип господства *вопреки* меньшинству. Это, по мнению Новгородцева, противоречит принципу автономии личности. «Общество свободных индивидов, утверждающееся на рабстве хотя бы одного человека, с безусловной нравственной точки зрения также несправедливо, как несправедливо подчинение многих господству одного», – рассуждает он в статье «Кризис современного правосознания» [11, с. 267]. Нарушаются ли права меньшинства или права большинства, характер нарушений от такого количественного различия не меняется, нанося в обоих случаях ущерб праву личности. Такой ход рассуждений приводит Новгородцева к идее о необходимости, с одной стороны, охранять права меньшинства в их демократических формах, с другой стороны, ограничивать подобными демократическими способами другую крайность – безграничное господство большинства. Ибо и том, и в другом случае – и в безграничном господстве большинства над меньшинством, и в безграничном гос-

подстве меньшинства над большинством, – кроется несправедливость по отношению к личности, которая вынуждена подчиняться. Демократические формы правоотношений должны стать связующим звеном между внутренним долгом, присущим каждому человеку как разумному и поэтому нравственному существу, и внешним принуждением.

Какой путь предлагает Новгородцев для того, чтобы минимизировать вскрытое им противоречие? Анализируя различные проекты преобразования современного государства и высоко оценивая их общее стремление найти путь для более полного и всестороннего проявления новых политических сил, он приходит все же к довольно пессимистическому выводу. Большинство классических проектов обречено на неудачу в том контексте, что они проникнуты утопической мыслью *создать автоматизм совершенных учреждений*. Новгородцев считает, что в современных ему условиях кризиса парламентаризма, о котором говорят все исследователи этой проблемы, «необходимо открыть простор свободной внепарламентской инициативы» [10, с. 112–113]. Никакие усилия политического творчества не создадут совершенных политических учреждений, ибо в конечном счете все определяется нравственными и умственными силами народа.

Для того чтобы дать возможность широко развернуться «нравственным» и «умственным» силам народа, что необходимо и важно для каждого человека в обществе, читает Новгородцев, дать свободу его проявления в политической жизни. В этом смысле заслуживает внимания каждая новая попытка актуализировать новые силы для выражения общественно-политических устремлений народа, помимо «официально признанных» органов правительства и «искусственно созданных» органов народного представительства. Развивающаяся самоорганизация общества, объединяя отдельных лиц во множество взаимоперекрещивающихся групп, создает новые пути для воздействия на законодательство, даже на возможность образования новых законодательных органов. В практике предоставления общественным группам право петиций, внесения предложений и отзывов по поводу задуманных законов в этом и многом другом таится возможность образования новых законодательных образований, созданных не «сверху», а непосредственно группой общества, которые могут создать свои особые нормы для специальных сфер жизни.

Философско-правовая концепция Новгородцева пронизана стремлением утвердить нравственный императив в философии права. Характеризуя взаимосвязь права и морали, их своеобразную взаимодополнительность, Новгородцев справедливо отстаивает базовые либеральные ценности как гарантию формирования правового государства: 1) главным звеном во взаимосвязи государства и общества выступает свободная личность с ее гражданскими интересами, инициативами, подтвержденными политическими правами; 2) частная свобода считается «коренным правом» человека, источником его самостоятельности и са-

морализации; 3) свобода личности по своей природе имеет индивидуалистическое начало, поэтому борьба за индивидуальность воспринимается равноценной борьбе за свободу.

Как видим, двигаясь в русле этико-правовых воззрений Канта, Новгородцев наполняет новыми смыслами нравственные императивы. Согласно традиции кантовской этики, добродетель есть способность человека «в соответствии с моральными принципами преодолевать склонность ко злу» [4, с. 215]. В свое время, пытаясь разгадать тайну нравственности, немецкий философ высветил проблему непреодолимого конфликта между объективной нравственностью, которая выступает как соответствующая организация среды (правовое пространство), и субъективной нравственностью (состояние воли индивида). Новгородцев выводит на качественно новый смысловой уровень вопрос о возможности преодоления такого конфликта. Фиксируя усиливающийся кризис практики народного представительства в современных ему условиях, он предлагает открыть простор для внепарламентской инициативы (предложения и отзывы отдельных граждан и профессиональных объединений, реальный контроль с их стороны), превратив тем самым право в наблюдаемый факт общественной власти.

Новгородцев считает, что идея справедливости может быть реализована только в условиях *представительной демократии*, где правит большинство, но и меньшинство чувствует себя услышанным. Таким образом, речь идет об управлении «всех для всех». Роль государства в этом контексте сводится к тому, что оно должно «обслуживать» человека, а не возвышаться над ним. Стремление к правовому совершенству Новгородцев видит в реализации практики исполнения законов, которая видится ему возможной при соблюдении ряда условий: наличие ясных и понятных правовых норм, общеизвестность нравственных требований, в частности наличие внепарламентской, т. е. гражданской ответственности, делающей возможным право, и другие условия. Исполнение «законов», а не «указов» – таким видится Новгородцеву принцип справедливого государства.

Список литературы

1. Грот Н.Я. Наши задачи // Вопросы философии и психологии. М.: Тип. Тов-ва Кушнерев и К., 1889. Кн. 1. С. XIX.
2. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 535 с.
3. Гуревич П.С. Мораль как достояние человечества // Педагогика и просвещение. 2012. № 1. С. 3–9.
4. Кант И. Лекции по этике: пер с нем. / общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 2005. 431 с.

5. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 109–304.
6. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 59–105.
7. Михайлова Е.Е. Русский позитивизм на рубеже XIX-XX веков: Проблема социокультурного развития. М.: МГОУ, 2004. 205 с.
8. Никонов Л.А. Идея государства в немецкой классической философии и ее рецепция в позитивизме // Вестник Тверского государственного университета: Серия «Философия». 2010. № 2 (14). С. 93–101.
9. Нерсесянц В.С. П.И. Новгородцев // Философия права. М.: ИНФРА-М – Норма, 1997. С. 529–531.
10. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии. М.: Тип. Тов-ва И.Н. Кушнерев и К., 1908. Кн. 1 (91). С. 80–117.
11. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии. М.: Тип. Тов-ва И.Н. Кушнерев и К., 1908. Кн. 3 (93). С. 251–286.
12. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. 253 с.
13. Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.: ИРИСЭН, 2007. 312 с.

CORRELATION OF LAW AND MORALITY IN P. NOVGORODSEV'S DOCTRINE

L.A. Nikonov*, N.N. Zimenkova**

* Tver State Technical University, Tver

** Tver chapter of Saint-Petersburg State Economic University, Tver

Kant's idea of law and moral correlation and its reception in philosophical and legal views P. Novgorodsev, a prominent representative of Russian liberal thought, are analyzed in the article's format. Novgorodsev's vision of the idea of justice as realizable only under the conditions of representative democracy based on the platform of the government of «all people for the common benefit» is thoroughly interpreted.

Keywords: *state, society, personality, liberty, legal conscience, justice.*

Об авторах:

НИКОНОВ Леонид Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: nikonov69@mail.ru

ЗИМЕНКОВА Наталья Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Тверского филиала ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Тверь. E-mail: zimenkova69@yandex.ru

Authors information:

NIKONOV Leonid Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor of economics and management Dept., Tver State Technical University, Tver. E-mail: nikonov69@mail.ru

ZIMENKOVA Natalia Nikolaevna - Ph.D., Assoc. professor of socio-economic and natural-scientific disciplines Dept., Tver chapter of Saint-Petersburg State Economic University, Tver. E-mail: zimenkova69@yandex.ru